

АРКАДИЙ ГАБЫШЕВ

ХОЛОДНЫЙ ВЕК

КНИГА ПЕРВАЯ

2026

Аркадий Габышев

Холодный век

«Автор»

2026

Габышев А.

Холодный век / А. Габышев — «Автор», 2026

«Холодный век» - это мрачное эпическое фэнтези о конце привычного мира и начале долгого пути. О страхе и долге, о силе движения вперёд, когда остановка равна смерти. Таинственный Холод диктует свои правила. Живая сила, стирающая память, волю и саму жизнь. Мир расколот войнами и предательствами. Королевства рушатся, армии гибнут, и каждый народ встречает конец по-своему. На фоне ледяной тьмы переплетаются судьбы множества героев - воинов, изгнанников, правителей и безумцев. Их ждут кровавые сражения, тайные союзы, борьба за власть и выбор между выживанием и честью. Когда холод подбирается всё ближе, становится ясно: главный бой будет не только за земли и троны, но за право миру продолжать дышать.

© Габышев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Пора в путь!	8
Глава вторая. Низкорослый гость.	11
Глава третья. Степь.	14
Глава четвертая. Курултай.	17
Глава пятая. Новый тэгин.	19
Глава шестая. Некромант.	21
Глава седьмая. Деревня ыкунов.	23
Глава восьмая. Наёмники.	29
Глава девятая. Трисмерия.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Холодный век

Пролог

Я зашёл в этот дом и сразу заметил тусклый свет. Свечи медленно догорали, отбрасывая трепещущие тени на стены. Подо мною хрустело сено, посыпанное на пол для тепла. Каменные, серые стены, казалось, веяли холодом, но в воздухе было густо и тепло. Тихо потрескивала печь, а на ней стояла маленькая чугунная кастрюля, заполненная яйцами. Они варились так тихо и размеренно, что я ощутил непривычное спокойствие. Невероятно, но эта простая кастрюля излучала такой уют, что на глаза навернулись предательские слёзы. Бурлящая вода убаюкивала меня, и мне захотелось свалиться с ног и погрузиться в глубокий, забытый сон. Время будто бы здесь не властно. Тот лютый мороз за стенами дома уже ничем не угрожал, лишь ветер осторожно постукивал в оконницу, словно просясь внутрь.

Мои щёки, покрытые ледяной коркой, наконец-то оттаяли и начали гореть. Я уже мог двигать онемевшими пальцами, сжимать их в кулак. Моё сердце охватило тепло, от которого стало больно и хорошо одновременно. Ноги сами подкосились, и я оказался сидящим на коленях прямо на полу. Впервые за долгое время я ощутил под ногами твердую опору, а не зыбкую снежную пустоту. Наконец мою спину покинула вечная тревога, разжав свои ледяные когти.

Где хозяин? Кто он? Он был здесь совсем недавно – огонь в печи, кипящая вода... Странно, но у двери я не увидел ни единого следа. Сама дверь была не заперта, будто кто-то ждал. Меня? Или кого-то ещё?

– Сними капюшон и подними свои чертовы руки.

Раздался хриплый, немолодой голос из тёмного угла. Что-то заскрипело. Да. Это лук. Этот звук я ни с чем не спутаю. Он натянул тетиву. Я почувствовал на себе невидимый взгляд, упирающийся мне в переносицу.

– Я пришёл с миром. Мне некуда было идти... Мне некуда идти, – почти без сил прошептал я.

Затем медленно поднял руки и уставился в ту точку во мраке, откуда на меня была направлена стрела. Тёмный угол зашевелился. Я смотрел словно в бездну, а бездна смотрела на меня. Но я не боюсь. Эта метель выбила из меня всю слабость. Да, моё тело было измотано до предела, но дух, наконец, обрёл стальную силу. Мне было больно так долго, что я просто перестал чувствовать боль. Теперь во мне ничего не осталось. Ну же, старик. Стреляй, если тебе так угодно.

– Я сниму капюшон и медленно пойду к столу.

В ответ – красноречивое молчание и скрытая угроза.

– Я безоружен.

Также безжизненно, еле выговорив слова, я присел на скамью у окна. Удивительно, как же мы далеки друг от друга, хотя между нами – всего пара метров. Нас разделяют годы жизни, пропасть недоверия и всего одна секунда, чтобы пустить стрелу.

Время застыло, сжавшись до размера наконечника стрелы, что всё ещё смотрел на меня из мрака. Скрип лука был единственным звуком, заполнявшим пространство между нашими дыханиями – моим ровным, его чуть сдавленным, старческим.

Я не отводил взгляда от бездны, позволив глазам привыкнуть к полумраку. Постепенно очертания стали проступать. Он сидел на низкой табуретке, прислонившись спиной к стене. Его фигура была тощей, почти высохшей, но в позе чувствовалась привычная, отточенная сила. Тетива была натянута до предела.

– Я сказал, безоружен, – повторил я, намеренно медленно разводя пальцы поднятых рук. Каждое движение было чётким, плавным, лишённым угрозы.

Из темноты донёлся тихий, сиплый смешок.

– И слова могут быть оружием, а ложь – самое острое из них.

– У меня нет причин лгать тебе. Метель свела с пути. Я шёл вдоль реки и увидел свет в твоём окне. Последний свет.

– Река? – голос старика дрогнул, но лук не опустился. – Там уже полмесяца непроходимая ледяная топь. Не пройти.

Что-то внутри меня, едва начавшее оттаивать, снова резко сжалось, превратившись в тяжёлый ком. Он проверял меня. И я провалил проверку с первого же вопроса. Ложь была бессмысленна, я и правда был слишком измотан для неё.

– Я соврал, – тихо сказал я, опуская взгляд. – Я не вдоль реки шёл. Я бежал оттуда, откуда и все бегут.

В воздухе повисло молчание, такое густое, что его можно было резать ножом. Потом послышался мягкий щелчок. Это он ослабил тетиву, но лук всё ещё был наготове.

– Подойди медленно к печи и держи руки где я их вижу.

Я поднялся с колен, и кости заныли от неподвижности. Сделал шаг, потом другой. Сено под ногами хрустело. Я остановился в двух шагах от огня, чувствуя его жар на своей промёрзшей спине. Жар с одной стороны и холодный взгляд со спины – с другой.

– Сними капюшон.

Я повиновался. Тяжёлая, обледеневшая ткань со скрипом поддалась, и в комнату упали мои спутанные, грязные волосы. Я не видел своего отражения много недель, но мог предположить, что представляю из себя то еще зрелище: впалые глаза, заострившиеся скулы, щетина, покрытая инеем.

– Лицо вижу. Не самое приятное, но хотя бы своё. Руки – ладно, опусти. Яйца, поди, уже переварились.

Это не было дружелюбием, но это был расчётливый жест контроля.

Я взял с полки рядом грубую глиняную миску и щипцы, висевшие на краю печи. Движения были механическими, тело само помнило, что делать с теплом и едой. Я выловил одно яйцо, потом второе, положил их в миску. Скорлупа была обожжена и черна.

– Ешь. Говорить будешь с полным ртом. И помни: я враньё сразу слышу.

Я сел на чурбак у печи, положил миску на колени и принялся чистить первое яйцо. Пальцы дрожали, и я обжёгся о горячий белок. Боль была живой, настоящей, земной. Я запихнул его в рот и стал жевать. Еда обожгла голод, и всё во мне сжалось в комок животной потребности проглотить всё и сразу. Но я заставил себя есть медленно, под прицелом.

– Меня зовут Эриан, – сказал я, глотая первый кусок. Голос звучал хрипло, но уже твёрже. – Я был стражником в Крепости Чёрного Клена.

Из угла не последовало ни звука. Ни удивления, ни злости. Ничего.

– Она пала три недели назад, – продолжал я, глядя в миску. – Не штурмом, а изнутри. То, что мы охраняли... проснулось. И оно вышло. Я был в дальнем дозоре. Вернулся и увидел, что ворот больше нет. Только... пустота и тишина. Я бежал. Всё это время бежал.

Я рискнул поднять взгляд. Старик не шелохнулся. Его лицо всё ещё было скрыто тенью, но я смог разглядеть остроскулые черты, крупный нос, суровую линию рта.

– И что же вы охраняли, стражник Эриан? – его голос был ровным.

– Не знаю. Истинно не знаю. Нам говорили, что это Сердце Леса, реликвия древних. Но то, что вышло на свободу... у него не было формы. Только холод и шепот, от которого кровь стынет в жилах.

Я закончил первое яйцо и принялся за второе. Тишина в доме была теперь иной. Угроза не исчезла.

– Эта метель, – прошептал старик. – Она не зимняя. Это что -то другое.

Я кивнул.

– Она следует за мной. Я чувствую это. Я думал, я ушёл далеко... но я лишь принёс её к твоему порогу. Прости.

Я ждал гнева. Оскорблений. Выстрела. Но старик медленно, с тихим скрипом суставов, опустил лук. Тетива с тихим шепотом вернулась в состояние покоя. Он вышел из тени.

Он был стар. Куда старше, чем я предполагал по голосу. Его лицо было изрезано морщинами, а волосы, заплетённые в неопрятную косу, были цвета пепла. Но глаза... глаза были яркими и острыми, как те осколки льда, что ещё пару часов назад висели на моих ресницах. Он смотрел на меня не с жалостью, а с оценкой. С холодным, безжалостным любопытством дровосека, смотрящего на поваленное бурей дерево.

Он подошёл к столу, взял мою миску, подошёл к кастрюле и шлёпнул в неё ещё два яйца.

– Ешь, – буркнул он. – Слабый ты ещё врать. Видать, правду говоришь. А правда сейчас дороже хлеба и соли.

Он сел напротив, положив лук на колени. Стрела всё так же была на тетиве.

– И что теперь будешь делать, беглый стражник? Нести свою метель дальше, на запад? К людям?

– Мне некуда идти, – повторил я свою единственную правду.

Старик внимательно посмотрел на меня, потом на окно, за которым бушевала белая тьма.

– Здесь и у меня некуда, – он покачал головой. – Ложись спать. Там, в углу, шкуры. Утром решим.

– Решим что?

– Решим, кто ты. Подарок или проклятие. А может, и то и другое сразу. А теперь спи. Пока можешь.

Он не стал меня связывать. Он просто вернулся на свою табуретку в углу, в свою бездну, и растворился в ней, оставив меня наедине с треском печи, бульканьем воды и тяжёлым грузом его последних слов.

Я доел яйца и дополз до грубых, пропахших дымом и зверем шкур в углу. Свалился на них без сил.

И прежде чем сон поглотил меня, я увидел, как старик в темноте, не сводя с меня своих блестящих глаз, медленно, ритмично проводит пальцем по лезвию охотничьего ножа. Точил его. На всякий случай...

Глава первая. Пора в путь!

Сон был чёрным и бездонным, как смола, и вынырнуть из него оказалось большее, чем снова задохнуться в ледяной воде. Сознание вернулось к Эриану медленным, мучительным всплытием. Первым пришло тепло. Грубое, пахнущее дымом и зверем, но драгоценное. Овечья шкура на нём была тяжёлой и реальной, единственным якорем в распадающемся мире. Потом – боль. Ломота в каждом мускуле, застывшем в беге, ноющая свежесть оттаявших ран на лице и руках.

Он приоткрыл веки. В хижине было тускло, свет едва пробивался сквозь заиндевевшее окошко, но его было достаточно, чтобы увидеть старика.

Тот двигался по своему крошечному царству с молчаливой, отточенной эффективностью. Ни одного лишнего движения. Вот он скрутил сушёное мясо в промасленную тряпицу и убрал в походный мешок. Вот проверил тетиву на своём луке, привычным жестом натянув её до уха и тут же ослабив. Потом раздался короткий, знакомый Эриану звук – ляг и скрежет железа о железо. Это были латы. Старые, потёртые, с вмятинами, залатанными кузнецом, который явно думал о функциональности, а не о красоте. Но они были чистыми, смазанными, и каждая заклёпка сидела на своём месте. Старик натянул на себя кожаный дублёт с нашитыми стальными пластинами, и его сутулая фигура вдруг распрямилась, наполняясь силой. Всё ясно. Он не просто отшельник. Он ветеран. Человек, который прошёл сквозь огонь и пепел и чудом нашёл этот тихий угол, чтобы умереть в покое. Но что-то снова сорвало его с места.

– Вставай, юнец, нам пора идти! – его голос прозвучал не громко, но с той неоспоримой интонацией, что не оставляла места для возражений. Он не смотрел на Эриана, продолжая собираться, будто его приказ был законом природы, вроде смены дня и ночи.

Эриан с неохотой поднялся с тёплой постели. Каждое движение отзывалось протестом в заочневших мышцах. Он принялся одеваться, его пальцы, ещё не до конца оттаявшие, с трудом повиновались. Мысли, тяжёлые и заспанные, сбивались в кучу, натываясь на холод, что зловеще поскрипывал за стенами. Впервые за долгое время ему не хотелось никуда идти. Этот миг покоя, это тепло очага пленили его, как родной дом. Он готов был отдать всё, чтобы остаться здесь, свернуться калачиком и забыться, пусть даже ценой вечного сна.

– Куда нам идти? – пробормотал он, натягивая промёрзшие сапоги. – Эта метель, кажется, повсюду. Она заполонила весь мир.

Старик резким движением руки указал в угол, где стояло деревянное ведро. Вода в нём замёрзла насквозь, превратившись в мутный, белесый лёд.

– Подальше от этой метели. Ещё месяц назад вода в том ведре не промерзала даже в лютую ночь. А теперь... – он хмыкнул, и в звуке этом не было веселья. – Как я и сказал вчера. Ты принёс эту стужу. К моему счастью и несчастью одновременно.

Он закончил свои сборы, с лёгким стуком поставил на стол запотевшую флягу и, отпивая оттуда что-то крепко пахнущее дымом и хвоей, уставился в окно. А там, за тонкой преградой стекла, клубилась белая, слепая мгла, пожирающая мир.

– Я застоялся в этих стенах. Оцепенел. Эти места меня тоже спасли когда-то. Как и тебя сейчас. Приполз сюда, как подраненный зверь, с пустым взглядом и душой, полной пепла. Тогда здесь были другие люди... соседи. Потихоньку все разъехались, кто куда. Или просто не вернулись с охоты. Остался я один. Думал, доживать. – Он оторвал взгляд от окна и посмотрел на Эриана. Его глаза, всего несколько часов назад потухшие и подозрительные, теперь горели знакомым Эриану стальным огнём – огнём решимости. Спина выпрямилась, плечи расправились, и он словно стал больше, заполнив собой всю хижину. – Теперь пора идти. Двигаться. Застоявшаяся вода, как ты видишь, промерзает насквозь, а застоявшийся человек – тем более.

– Нас ждёт славный путь, – продолжал старик, и в его голосе прозвучала странная смесь горькой иронии и мрачного оживления. – Через опасные места. Все вокруг будет пытаться убить. И голодные звери, и жадные до чужого добра люди, и этот холод, что точит душу. Я хорошо стреляю из лука. Почти не промахиваюсь. А ты что умеешь делать, кроме как бежать? – Его вопрос прозвучал не как допрос, а как деловая реплика, оценивающая ресурсы предстоящего предприятия.

Эриан уже полностью оделся и присел у печи, подставляя ладони её живительному жару. Он смотрел на огонь и думал о том, как же здесь, в этой крошечной точке тепла, хорошо и правильно. И так же правильно ли – покидать её, шагая навстречу безумию, которое он сам за собой привёл.

– Я мечник, – тихо, но твёрдо сказал он, глядя на язычки пламени. – Сразу любого в честном бою. Клинок в моей руке не знает пощады. Я десять лет стоял в карауле на стенах Крепости Чёрного Клена. Видел, как восходит солнце и как лунный свет ложится на зубцы башен. Я знаю, как строится строй, как держать щит, чтобы он защищал товарища, и как наносить удар, который проходит сквозь кольчугу.

Он поднял взгляд на старика. Тот слушал, не перебивая, его лицо было невозмутимо.

– Но только не того, кого не видно, – голос Эриана дрогнул. – Не того, кто бьёт по разуму, а не по щиту. То, что оттуда вырвалось не сражалось оружием... Дозорные слышали шёпот, звавший их по имени, и шли за ним в ночь, чтобы исчезнуть. Мы не могли сразиться с пустотой. Не думай, что бежал потому, что я трус. Я бежал, чтобы выжить. Чтобы набраться сил и понять, как сражаться с тем, что нельзя пронзить сталью. И сейчас... сейчас я не знаю, есть ли в этом смысл.

Старик молча кивнул, как будто услышал именно то, что ожидал. Он подошёл к печи, взял со стола ещё одно яйцо, очистил его и протянул Эриану.

– Ешь. Силы понадобятся. А смысл... – он усмехнулся, и в этот раз в его глазах мелькнуло что-то похожее на понимание. – Смысл не в том, чтобы найти ответ. А в том, чтобы не переставать искать. И двигаться. Всегда двигаться. Мёртвые идут только в одном направлении. Пока мы идём вперёд, мы живём. И, возможно, учимся.

Он потушил свечу, и в хижине стало почти темно, если не считать тусклого света из печи. Затем он надел капюшон, взял свой лук и мешок.

– Пора. Пока мы тут философствуем, твоя метель подбирается всё ближе.

Эриан послушно встал, доел яйцо и последовал за ним к двери. Старик не стал запирать её, лишь прикрыл поплотнее, будто оставляя приют для следующего несчастного.

Они вышли в ад.

Ветер ударил в лицо с такой силой, что у Эриана перехватило дыхание. Холод не просто кусал – он жёг кожу, впивался иглами в лёгкие. Белая мгла была абсолютной, слепящей. Снег кружился в бешеном танце, стирая горизонт, небо, землю. Мир сжался до размеров пары шагов впереди идущего старика.

Эриан обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на хижину – тот крошечный островок спасения, что подарил ему несколько часов покоя. Но её уже не было видно. Поглотила белизна. Словно её и не никогда существовало.

Он почувствовал, как что-то тяжёлое и холодное сжалось у него внутри. Тоска по теплу, которого он едва коснулся.

Старик, не оборачиваясь, прокричал сквозь вой ветра:

– Не оглядывайся! Впереди – наша дорога, а позади – только тень.

И они зашагали в белую пустоту, двое крошечных точек против всепоглощающего холода. Навстречу неизвестности, опасностям и, возможно, единственному шансу понять, что же на самом деле идёт за ними по пятам.

Глава вторая. Низкорослый гость.

– Ты спустился с тех самых гор, чтобы напиться в моей таверне и уснуть прямо на полу?

Эти слова прозвучали словно эхо, донёсшееся из дальних пещер. Он открыл глаза и увидел людей: кто сидел на стульях, кто стоял, но все они с нескрываемым удивлением уставились на него, слегка приклонившись, будто рассматривая диковинного зверя. Таверна. Тёплый пол, задымлённые свечи на стенах, тихий треск поленьев в печи и тишина. Необычайная, гнетущая тишина для такого места. Ведь обычно в тавернах стоит оглушительный гул: старухи, дети, старики, мужчины с девицами... А сейчас – все молча смотрели на него.

– Кто ты и как тебя зовут, гном? – спросила старуха.

Было видно, что она здесь главная. Она восседала на самом большом стуле, подобно идолу, и грозно упиралась одной ладонью в колено. Голова её была повязана платком из дорожкой, хоть и потёртой парчи, а одежда говорила о достатке, скрытом под слоями пыли и времени.

– Отвечай! Иначе в миг вылетит отсюда прямиком в этот холод!

Гном с трудом приподнялся и уселся на полу, прислонившись спиной к тёплой стене. В воздухе пахло кислым элем, жареным мясом и влажной шерстью.

– Я кузнец. И звать меня Борд Молот Синегорцев! Есть выпить?! – его голос, низкий и хриплый, будто рождался в самой глубине гор, пророкотал под одобрительный смех пары завсегдатаев.

– А ты наглый, как и все гномы! Ладно, дайте ему выпить эля. Двойную порцию.

Старуху явно заинтересовало его прозвище. Она неотрывно смотрела ему в глаза, не моргая. Её взгляд был острым, орлиным, будто она уже вот-вот вцепится когтями в свою жертву. – Гномы давно не заходили к нам. После той войны Трёх Морей вы все куда-то пропали.

Она резко захохотала, так что её голова откинулась назад, обнажив жилистую шею. А потом, словно отпустив тетиву, она снова прицелилась в него взглядом. – Или вас всех перебили, или вы сбежали в горы, да повыше, прятаться, как суслики!

Собравшиеся начали робко подхихикивать, но старуха резко взметнула руку – и в зале вновь наступила мгновенная, мёртвая тишина. Да, она была жёсткой хозяйкой. Жёсткой, как зимняя земля.

– Ещё раз так пошутишь, и я голыми руками переломаю кости всем в этой таверне! – прорычал гном и попытался вскочить на ноги, но двое дюжих мужчин сразу же схватили его за плечи.

– Какой горячий! Лихой! – старуха не смогла сдержать усмешку. – Видимо, не зря тебя прозвали Молотом Синегорцев! Люблю я таких мужчин! Не то что вы, местные доходяги! С одним пьяным гномом еле справились!

Она медленно поднялась. Её рост оказался высоченным, она почти доставала до массивной деревянной люстры, свисавшей с потолка. Затем она плавно присела на корточки, и её морщинистое лицо приблизилось к лицу гнома так близко, что он почувствовал запах старого вина и полыни. – Если я оставлю тебя в живых, то будешь ли ты работать кузнецом у меня? – прошептала она так тихо, что слова услышал только он.

Гном смотрел прямо в её глаза. В них бушевала война. Будто память о огне и железе навсегда вплавилась в эти широкие, пронзительные очи.

– Вот теперь вы поняли, что я здесь не просто так. Буду. Но первым делом я выкую себе молот. Только потом – остальное.

– Ты молодец. Сразу говоришь в лицо. Делай себе молот, а потом я покажу тебе, что делать дальше.

Старуха встала во весь свой исполинский рост и обвела властным взглядом каждого присутствующего.

– У нас теперь есть кузнец! – её голос прогремел под самыми стропилами. – Он будет ковать для вас латы и мечи! Чтобы мы могли защищаться! Он разожжёт огонь в горне и начнёт плавить железо! Так и в наших сердцах разгорится пламя храбрости!

Она подняла сжатый, узловатый кулак вверх, и по залу прокатился единодушный рёв: – Промышляй! Промышляй! Промышляй!

Старуха, которую все здесь звали просто Бабушка Агнесса, отвела гнома в подсобку – бывшую кладовку, которую спешно переоборудовали под кузницу.

– Ну, Молот Синегорцев, – сказала она, обводя рукой убогое помещение. – Твои новые владения. Делай свой молот. А потом выйди ко мне. Расскажу, что ковать дальше.

Она повернулась уходить, но Борд остановил её. В его голосе не было пьяной бравады, лишь усталая горечь.

– Ты говорила о Войне Трёх Морей. Ты знаешь, что это было.

Агнесса остановилась в дверном проёме, её высокая фигура заслонила свет из главного зала. Она медленно обернулась.

– Знаю. Как и все, кто выжил. И все молчат. Как будто если не говорить, то это и не случилось. Но оно случилось. И этот холод тому доказательство.

Она прислонилась к косяку, и её лицо внезапно постарело ещё на десяток лет, уйдя в тень.

– Короли умерли. Все сразу за одну ночь. Их жизни лишил не яд или кинжал убийцы. Говорили, их души просто... погасли. Как свечи на сквозняке. А на тронах остались сидеть их бездыханные тела, с открытыми глазами, полными инея.

Гном мрачно хмыкнул, потянулся за своей флягой, но она была пуста. Он с силой швырнул её в угол.

– И начался Великий Разлом. Для людей, гномов, орков. Для гоблинов и прочих тварей. Для всех.

– Вам коротышкам, тоже было не сладко, – жёстко заметила Агнесса. – Ваши кланы всегда держались на старших. Когда не стало верховного короля, каждый твой родич потянул одеяло на себя. Каждый клан решил, что именно он должен вести всех. Не поделили шахты Огненного Камня?

Борд с горькой усмешкой покачал головой. – Я не делёжек ихних видел. Меня к тому времени уже давно из клана выперли. За нрав мой, за то, что язык острее топора был. Сказал всё, что думаю о совете старейшин, да в лицо Даннику плюнул. Так и жил один, в заброшенной заставе на отшибе. Пил и спал. О войне этой твоей узнал, когда люди побежали. Кто от войны, кто от этого холода.

Он замолчал, смотря в пустоту, будто видя там своё одинокое пристанище. – А потом и до меня он добрался. Этот тихий ужас. Этот мороз, что внутри костей. Вот тогда и попёрся куда глаза глядят. И нашёл твою таверну.

Агнесса внимательно слушала, и её орлиный взгляд смягчился. Перед ней был не герой войны, а изгой-пьяница. И в этом была своя, особая правда.

– А люди... – продолжила она, и в её голосе зазвучала неподдельная горечь. – Люди показали своё истинное лицо. Каждый герцог, каждый барон возмнил себя новым королём. Они не защищали своих людей. Они вели их друг на друга, чтобы урвать кусок пожирнее. Мы начали вырезать друг друга.

Она замолчала, и в тишине подсобки было слышно, как за стеной воеет ветер.

– А потом пришёл Холод, – тихо, почти шёпотом, сказал Борд. – Потом пришёл Холод, – подтвердила старуха. – Не тот зимний, что приходит глубокой осенью. Он пришёл и остался. Он шёл следом за войной. Поглощал её. Он не щадил никого. Он несёт смерть, забвение, стирает память, волю, саму жизнь. Он... живой. И он голоден.

Она выпрямилась и посмотрела на гнома испытующе. – Ты не герой и не воин. Кто же ты тогда? – Я кузнец, – с внезапной силой выдохнул Борд. – Лучший в Синегорье, пока не спился.

Я могу металлу душу вернуть. Могу из груды железа сделать оружие, что запоет свою песню в бою. Не с людьми мне сражаться. Не с гномами, а с ним, с этим Холодом. Единственный бой, который мне интересен.

Эти слова повисли в задымленном воздухе подсобки, тяжелые и звенящие, как добротная сталь. Казалось, даже метель за стенами на мгновение притихла, услышав их.

Агнесса медленно кивнула, и в её глазах мелькнуло нечто похожее на уважение. – Ну, что ж. Изгой да пьянь. Хорошее начало для конца света, – протянула она без тени насмешки. – Ну, давай, кузнец. Раздуй свой огонь. Нам нужно много железа. Нам нужно оружие, которое укажет нам путь. И ещё больше нам нужно – надежды. Хоть крупицу.

Она вышла, закрыв за собой дверь. Борд остался один под вой ветра. Он подошёл к горну и провёл мозолистой, изуродованной ожогами и старыми шрамами рукой по наковальне, счищая с неё ржавчину и пыль забвения.

Он не был героем великой войны. Он был её трезвым, горьким последствием. Пьяным крикуном, которого вышвырнули за ненадобностью. Но теперь у него был шанс выковать своё искупление. Не ради клана, а ради себя. Ради того, чтобы в последний, единственно важный бой в своей жизни он вошёл с молотом в руках и с яростью в сердце, а не с флягой и тоской в одиночной норе.

Он с силой сжал кулак. Впервые за долгие годы в его жилах зажглось не пламя дешёвого эля, а нечто иное. Что -то древнее и родовое. Жар расплавленной стали.

Глава третья. Степь.

Два всадника медленно двигались по бескрайней степи, подчиняясь вековому ритму кочевья. Их кони, низкорослые и косматые, с широкими мордами, могли показаться смешными жителю «вечерних стран». Но в сырой земле давно истлели кости всех, кто смеялся над ними. И королевства тех насмешников обратились в пепел и прах.

Степь была их миром, их матерью и божеством. Даже они, уранхайцы, не ведали её краёв. Лишь изредка бесконечный океан трав прерывался кольцом древних сопок, укрывавших маленькие зелёные долины с озёрами и быстрыми речками – идеальные места для временного стойбища. Уранхайцы были кочевниками. Говорили на языке, звучавшем для чужака как свист ветра. Их домом были ковыльные просторы до самого горизонта. Они пасли стада и жили по Великому Кругу. Здесь каждый был воином, будь то мужчина или женщина. Сильнейших мужчин звали батырами, а женщин – хотун, их голос значил ничуть не меньше.

– Хэй, моя милая подруга, ты не заметила, – первый всадник, чьё лицо, обветренное степными буранами, обернулся к спутнице, – что куда бы мы ни пришли, где бы ни воевали и ни брали своё, везде одни дети, старики да старухи? Это потому, что у этих бледнолицых из вечерних стран вымерли все короли, как и наш великий тэгин, пусть Тэнгри примет его душу в свои синие чертоги! – ответила, чьи тонкие, но сильные руки с привычной небрежностью лежали на луке. Её длинные, заплетённые в сложные косы волосы, украшенные костью и серебром, звенели на ветру. – Да-а-а, – протянул батыр, лениво поправляя саблю у пояса. – Мало у них стало воинов. Даже скучно стало. А те, кто остались... похожи на примерзших мышей! Еле двигаются, глаза мутные. О каком мече может быть речь?

Они двигались вдоль великой реки Олуэн, что петляла серебряной змеей вниз, а на другом её берегу, на фоне кроваво-красного заката, высились величественные каменные столбы – молчаливые стражи границы. Эта река была древним рубежом, делившим мир надвое: на их вольные степи и на душные, каменные коробки «вечерних стран».

Они возвращались с войны. Два нойона, два полководца, а за ними растянулась вся их орда. Несметная сила. Орда, что могла выпить целое озеро и съесть стадо быков за один присест. Воздух гудел от ржания тысяч коней, мычания тучного скота и гортанных криков. А над всем этим, в небе, клубилась живая, чёрная туча – несметные тысячи ворон, летящих по следам армии, словно шепчущие предвестники Тэнгри.

Никто не ведал счёта государствам, павшим под копытами их коней. Они воевали искусно, яростно и умно, словно стая волков, набрасывающаяся на слабого оленя. Но никогда не оставались на захваченных землях надолго. Всегда поворачивали вспять, уходили в свою бесконечную степь, к своему вечно синему небу.

Их тэгин, так они величали своего повелителя, владыку всех улусов, тоже умер. Он ушел в вечность в собственной юрте, тихо и с инеем на бороде. И потому всё племя двигалось сразу на Великий Курултай – чтобы выбрать нового тэгина. Каждый уранхаец – батыр или – был сильнее, ловчее и хитрее любого заречного воина, потому они и опасались скрестить оружие друг с другом. Пока что. Но кто знает, что принесёт Курултай? Их история, пестрая, как ковёр в юрте вождя, не осталась чистой от былых внутренних распрей. И тень старого тэгина ещё не успела остыть, а в степи уже пахло ветром перемен – горьким и тревожным.

– Слушай, Томирис! Если не догонишь меня на своем Тургэне до того утёса – один сундук с золотом мой!

И лихо ускакал Мункэ, внук великого, когда-то гремевшего на все степи батыра, прищипав своего белого скакуна по имени Чагельган. Томирис, храбрый нойон, командующая целым тумэном лихих всадников, рядом с ним всегда превращалась в маленькую девочку. В этих местах холод ещё не показал своего ледяного лица, и жители степи лишь краем уха слы-

шали об ужасах белой мглы от редких беженцев. Стоял тёплый, по-настоящему весенний день. Всё вокруг оживало после долгой и суровой степной зимы. А зима в степи – холодная, жестокая, беспощадная. Но эти люди не боялись ничего. Их бог Тэнгри повелевал быть бесстрашными и всегда готовыми прийти на помощь. Их души не были ограничены ничем; свободный дух и спонтанность мышления сочетались в них с ясным и чётким осознанием своих истоков. Они за тысячи лет не растеряли свою культуру, язык и веру.

Томирис на своем вороном Тургэне так и не смогла догнать Мункэ. Чагельган был самым быстрым конем во всех уранхайских улусах. Быстрыми были и решения его хозяина, и его деяния. Мункэ уже стоял на краю утёса и смотрел за реку, вдаль, а белый Чагельган терпеливо ждал рядом, помахивая гривой. Здесь заканчивались величественные каменные столбы-стражи.

– Отсюда, наверное, только дальнотзорким орлам видно земли тех, кого мы завоевали, – произнёс он, когда Томирис подъехала. – Скоро они снова встанут на ноги, поднимут своё хозяйство, и мы снова придём к ним. И каждый раз их добра становится всё меньше и меньше...

– Этот холод... он странный. Его не должно было быть. Ведь сейчас Муус Устар. Почему Тэнгри решил задавить их своей железной волей, наслав стужу на их головы? – спросила Томирис, подъезжая к самому краю.

Мункэ прищурил глаза и указал рукой на едва заметную синюю дымку далеко на горизонте. Это был тот самый Холод, что косит, как чума, людей вечерних стран.

– Он и к нам близок. Не думаю, что это воля Тэнгри. Это другой бог. Злой и чужой.

Рядом стоял каменный столб, а на нем были высечены стихи некоего древнего тэгина:

*Неси меня, мой конь, за те горы и облака, где горит тот огонь, потрескивая слегка.

Там, в родных краях, верно, ждёт моя жена, ищет меня в степях, как светлоликая луна.

Она является светом в самые тёмные ночи, превращаясь в ветер, она умеет гнать тучи.

Уноси скорее, мой друг, оставляя за спиной пыль, разорви порочный круг, преврати его в быль.

Нам обратно стало пора, копыт своих не жалей, ты резво топтал до утра земли падших королей.

Мимо серых этих скал, что хранят тысячу камней, и пусть не пугает оскал тяжесть минувших дней.

Летящей будь стрелой, молниеносной, как гроза, ведь ждут меня домой любимые, чёрные глаза!*

Томирис заулыбалась. Её чёрные глаза засияли, а розовые щёки, обветренные степным ветром, изогнулись. Волосы, заплетённые в сложные косы с вплетёнными в них серебряными нитями, развевались на ветру.

– Это мои самые любимые стихи. Как же сильно любил свою хатун тот тэгин... – Да, – кивнул Мункэ, не отрывая взгляда от далёкой синей дымки. – Те, кто пишут стихи и песни, говорят на языке богов и духов предков. Они доносят до нас голоса из прошлого.

Он ловко вскочил на своего белого Чагельгана. Пора было спешить. Скоро Курултай. Будет назначен новый тэгин, и у Мункэ были на этот счёт свои великие мысли. Он бросил последний взгляд на синюю дымку на горизонте, а затем перевел его на Томирис, на её сияющие глаза.

«Ну же, Мункэ, – подумал он, уже скача обратно к стойбищу, чувствуя, как могучие мышцы Чагельгана играют под седлом. – Скоро всё решится. Смогу ли я стать тем, кем должен? Выдержу ли взгляд старейшин? И... будет ли по-прежнему смотреть на меня она? Черноглазая и девять раз благословлённая Томирис? Будет ли её взгляд по-прежнему полон того огня, гордости и безграничной веры, что заставляет мое сердце биться чаще?»

Он вонзил пятки в бока белого коня, заставляя его лететь ещё быстрее, словно пытаясь убежать от этих мыслей. Но они неслись вместе с ним, как его собственная тень. Теперь ему предстояло доказать не только орде, но и самому себе, что он достоин не только сундука с золотом, но и восхищенного взгляда своей хатун. Впереди был не просто Курултай – впереди был главный поединок в его жизни, и Чагельган мчался к нему, оставляя за спиной клубы степной пыли.

Глава четвертая. Курултай.

Тэгином у уранхайцев мог стать любой из знатного рода – и мужчина, и женщина. Власть не передавалась слепо по старшинству или крови. Она завоёвывалась по праву силы, мудрости и деяний. Женщины-уранхайцы могли занять шатёр тэгина, но часто они были мудрее и избирали иные пути. знали, что истинные решения не всегда рождаются в шуме больших собраний – порой они вызревают в тишине теплых шатров, в доверительных беседах у очага. Их слова были подобны невидимым стрелам, точно попадавшим в самую суть, а их прикосновения могли успокоить бурю в душе воина. Так и на поле битвы могла быть яростнее и безжалостнее любого батыра, а в родной юрте – превращалась в ласковую и мудрую хранительницу очага.

– Моя Томирис, смотри, всё уже готово для Курултая. Нас ждут, – Мункэ подал ей руку, помогая подняться на небольшой холм, откуда открывался вид на собравшуюся орду. – Да. Сегодня хороший день. Тэгина выбирают на четвертый день, а сегодня ночью на небе будет четвёртая луна! – её глаза блестели не только от лунного света, но и от предвкушения великого действия. – Всё по воле Тэнгри, как он повелит! – сказал Мункэ и, вскочив на Чагельгана, поскакал к главному шатру, где его уже ждали другие претенденты.

Главный шатёр, где собирались все знатные и уважаемые уранхайцы, был ослепительно-белого цвета, символ чистоты помыслов и единства рода. Рядом шумела гигантская стоянка лошадей. Коней привязывали к резным сэргэ – деревянным столбам, испещренным древними руническими узорами, вкопанным в землю на века. Эти сэргэ останутся здесь навсегда – как память о назначении нового повелителя степей. Здесь же, на специальной каменной глыбе, позже выбьют имя нового тэгина.

Уранхайцы праздновали и ликовали – у них будет новый вождь! Тот, кто поведёт их вперёд. Этот народ повиновался только силе, но силе не грубой, а овечьей мудростью и волей Тэнгри. Они, словно дикие кони, жаждали, чтобы их необузданный нрав был направлен твёрдой рукой. Они могли рычать, как тигры, и скалить клыки в ярости, но лишь тэгин мог усмирить эту бурю, ибо в его образе они видели прямое веление самого Тэнгри.

Всюду царило движение и жизнь. Кто-то водил огромный хоровод – осуохай, уходящий корнями в глубь тысячелетий. Кто-то выяснял в силовых забавах, кто сильнее, быстрее, хитрее. Воздух дрожал от мощных ударов барабанов, тревожного рёва боевых рогов и низкого, вкрадчивого горлового пения, повествующего о подвигах предков. Шаманы, облачённые в тяжёлые одеяния с бубенцами и костяными подвесками, давно разожгли свои священные костры и камлали, их сознание витало в тонком мире, беседуя с духами и богами.

Внезапно главный шаман, старый и седой, с лицом, испещрённым ритуальными татуировками, вышел из белого шатра и воздел руки к небу, призывая к тишине. Начинаясь Великий Курултай.

В этот момент высоко в небе, почти у самой четвертой луны, проплыл огромный орёл. Это заметил Мункэ. А на ближайшем сэргэ приземлился чёрный ворон и уставился на него пронзительным, умным взглядом. И тут подул сильный, порывистый ветер, зашумев в ушах.

Томирис, стоявшая рядом, тихо прошептала Мункэ на ухо, и её голос звучал как шелест ветра в степных травах: – Это ветер – мой друг. Он унёс все твои сомнения и страхи. И принёс тебе зрение орла, мудрость ворона, хитрость волка и силу тигра. Вступай же, Мункэ, и забери то, что по праву должно быть твоим!

Стиснув зубы и сжав рукоять своего кинжала, Мункэ твёрдой поступью направился в центр круга. Его время пришло.

Претендентов было много, и у каждого за спиной тянулся длинный шлейф великих деяний и кровавых побед. Каждый мог похвастаться тем, что навсегда вписал своё имя в летописи уранхайцев.

Каждый из них, прежде чем войти в круг, должен был пройти между двумя огромными очищающих костров. Пламя вырывалось к самому небу, а жар был таким, что обжигал кожу. Считалось, что человек со злыми умыслами, с чёрной, завистливой душой, не сможет пройти этот путь – огонь обязательно опалит его. Но все претенденты прошли, и теперь они стояли в главном шатре, готовые предстать перед советом.

Внутри, в слабом свете дымящихся светильников, собралась вся мощь и мудрость уранхайского народа: древние шаманы с лицами, покрытыми священными татуировками; седовласые мудрецы, хранящие в памяти тысячу лет истории; и прославленные воины, чьи шрамы рассказывали истории громче любых песен. Претенденты были разными – кто-то юн и пылок, с горящим взором, кто-то стар и спокоен, как глубокое озеро в предгорьях. Но заслуги каждого были неоспоримы. Каждый был батыром, уверенным, что именно его избрал сам Тэнгри. И по воле небес каждый должен был доказать своё право, проявив всю возможную смелость, мудрость и усердие.

Но у Мункэ было ещё одно качество, делавшее его иным. Он был провидцем. Он видел то, что ещё не произошло. Порой это были лишь смутные образы, как тени от облаков на степи, а иногда – яркие и точные видения, приходившие к нему в снах или в миг тишины перед боем. Это был и дар, и проклятие – знать то, что скрыто от других, и нести это бремя в одиночку.

Среди множества претендентов выделялись двое его главных соперников.

Первый – юный храбрец Дархан из знатного и многочисленного рода. Его слава гремела по всей степи. Его прославили несгибаемая воля и твёрдость руки. Тысячи врагов пали от его острой, как язык змеи, сабли. Ещё больше – от его стрел, которые, как говорили, могли сразить птицу в небе на полном скаку. Он был яростным, как весенний паводок, и так же неудержимым.

Второй – Кульган, воин в годах, чьё имя было синонимом мудрости. Он завоёвывал не столько мечом, сколько словом и умом. Перед ним склонялись целые царства, ворота городов открывались перед ним сами, а чужеземные правители готовы были отдать половину трона, чтобы такой советник был у них. Его мудрость бежала впереди самого быстрого коня, а хитрость была острее закалённой в горне стрелы. Он мог усмирить бунт одним лишь взглядом и уладить спор, который вот-вот готов был перерасти в кровавую резню.

Мункэ чувствовал на себе их взгляды – пылкий и оценивающий взгляд Дархана, спокойный и пронизывающий взор Кульгана. Воздух в шатре сгустился, наполнившись немим вызовом, азартом и напряжённым ожиданием. Великий Курултай начинался.

Все остальные претенденты понимали, что эти трое – молниеносный Мункэ, дерзкий Дархан и мудрый Кульган – достойнее их. Им будто сам Тэнгри шептал на ухо, призывая отступить. Каждый из них, к собственному удивлению, – ведь они никогда и ни перед кем не отступали! – вдруг ощутил непреодолимое желание сделать шаг назад, а затем приклонить колено перед будущим тэгином.

Один за другим они отходили в тень, и в центре огромного белого шатра остались стоять лишь трое: Мункэ, Дархан и Кульган.

Толпа внутри шатра гудела, скандируя: «Уруй! Уруй! Уруй!» – выкрикивая древнее слово, означавшее одновременно и приветствие, и благословение, и клич победы. «Айхал» – священную клятву повелителя – должен был произнести уже новый тэгин. Народ всем сердцем жаждал увидеть своего избранника и услышать его первый указ.

Глава пятая. Новый тэгин.

По обычаю, каждый из финалистов должен был снять одежду до пояса, обнажив торс. Это был символ силы, честности и готовности принять на себя всю тяжесть власти. А затем – выпить огромную чашу кумыса до дна, дабы доказать, что разум его всегда ясен и ничто, даже напиток богов, не способен его опьянить и затмить волю.

Первым выступил Дархан. Высокий, с коротко стриженными волосами, где лишь пять избранных прядей красовались на его смуглом лбу, он начал рьяно и громко рассказывать, как будет громить врагов и какие несметные богатства добудет для своего народа. Он был шумным и резким в словах, в нём чувствовалось высокомерие и слепая, безрассудная вера в себя. Он размахивал руками, его речь была подобна битве – он чуть ли не подпрыгивал на месте. Его энергия была сравнима с тысячью коней, несущихся по степи, а его слова были подобны пыли, оседающей на руинах городов вечерних и иных стран.

Затем слово взял мудрый Кульган. Он обещал много завоеваний, но пролить при этом как можно меньше крови. Он видел будущее своего народа спокойным и мирным, его справедливое правление многим показалось тихим и тёплым летним закатом, где нет места хаосу и распрям. Кульган время от времени посматривал на Мункэ. Если за Дарханом стоял сильный и многочисленный род (здесь же, в шатре, сидели его влиятельные сородичи), то Мункэ был одинок. Он был похож на одинокого волка, нашедшего счастье в своей волчице и ни в ком больше не нуждавшемся. Этого Кульган и боялся больше всего. Он знал, что Мункэ всего добился лишь собственным умом и силой. А значит, он ближе всех к Тэнгри.

Кульган продолжал вещать, его голос был спокоен и убедителен: «...и поэтому я, стоя здесь перед вами, человек, прошедший через множество битв и верно служивший своему народу, которого вы знаете как самого мудрого и деятельного, которого Тэнгри и светлые духи предков всегда оберегали от бед, говорю всем вам – есть среди нас величайший, кто сегодня будет избран тэгином и поведёт нас в долгую и счастливую жизнь!»

Он сделал паузу, поднялся во весь свой немалый рост. Его длинные седые волосы стремительно упали на плечи. Его тело, несмотря на возраст, было сильным и не имело ни единой царапины – свидетельство того, что он побеждал умом, а не мечом. Он поднял руку вверх, и его взгляд устремился в дырку в вершине шатра, через которую уходил дым костров к самому Тэнгри.

– Я отдаю свой голос и свою мудрость молниеносному Мункэ! – громко и властно провозгласил Кульган.

В шатре повисла гробовая тишина, нарушаемая лишь треском смолистых поленьев в жаровнях. Все с изумлением смотрели то на старого мудреца, то на Мункэ. Все, кроме Дархана. Тот сидел, сгорбившись, и озлобленно смотрел в землю. Он не понимал, почему старик совершил такое предательство. Сжав кулаки, он прошипел: – Хоть мудрый Кульган и воскликнул это, я всё же желаю услышать самого Мункэ! Пусть он докажет, что достоин!

Все взоры обратились к Мункэ. Его длинные волосы были заплетены в три сложные косы. Одна из них, обвивавшая ухо, была зажата у него в зубах – древний жест концентрации и обета молчания, который он теперь нарушил. Его тело было испещрено шрамами и древними, почти стёршимися татуировками, какие носили ещё первые предки уранхайцев тысячи лет назад. Он не смотрел никому в глаза. Его взгляд блуждал: то опускался вниз, то уходил вверх, в дымовое отверстие, то устремлялся в никуда. Казалось, его душа витает в ином мире, а здесь осталось лишь тело.

Он заговорил тихо, но каждый звук был отчётливо слышен в замершей тишине. Он предлагал пойти на вечерние страны не с целью грабежа, но чтобы установить над ними прочную власть. Он говорил о новой угрозе, невидимой, холодной, леденящей душу. О том, что скоро

сражаться придётся не телами, а душами, и оружием будут не сабли и стрелы, а нечто совсем иное. Он хотел расселить уранхайцев по всем странам, но не истреблять народы, а подчинить их своей воле, чтобы объединить против общего врага. Он призывал готовиться не к войне за богатства, а к борьбе за самую жизнь с иной, неведомой, злой и абсолютно чуждой силой.

– ...таким образом, мы обязаны встать на защиту всего сущего по воле Тэнгри. Мы завоевали всех, кого встречали. Теперь нам предстоит сразиться с самими, враждебными к нам, богами, вольно гуляющими в чужих землях и несущими смерть и забвение. Я не предрекаю и не гадаю о будущем. Я знаю это.

Сказал он из-под своих нахмуренных бровей и наконец поднял голову. И увидел, что всё собрание уже склонилось перед ним, и из каждой груди вырывался мощный, объединяющий клич:

– УРУЙ! УРУЙ! УРУЙ!

Мункэ сделал глубокий вдох, вобрав в себя воздух, напоённый дымом, волей и силой своего народа. Он выпрямился во весь рост, и его голос, чистый и металлический, как удар клинка о клинок, разрезал воздух:

– АЙХАЛ!

Так он произнёс священную клятву, ознаменовавшую начало правления нового тэгина.

Глава шестая. Некромант.

В этих тёмных, богом забытых лесах, куда не ступала нога ни людей, ни гномов, никого бы то ни было ещё из живых, обитали эльфы. Но не те, что поют о свете и древней славе. Злобные, искажённые создания, погрязшие в тёмной магии. Некоторые из них оживляли мертвецов, и те бродили в чащобах, бездушные и вечно жаждущие свежей плоти, распространяя смрад тления.

Эльфы некогда были могущественны, но за магию всегда приходится платить. Их осталось мало, и те, кто выжил, одержимо пытались понять, как пользоваться силой, не платя за неё страшную цену. В своих непроходимых дебрях, куда не проникал ни единый лучик солнечного света, в сырости и вечной тьме, они прозябали тысячелетиями. Изредка выходя на свет – лишь для того, чтобы насрать мор на стада, украсть детей и женщин для своих чудовищных опытов. Их великое государство ранее находилось на острове, но он ушёл под воду в катаклизме, вызванном их же собственным колдовством. Теперь тёмные эльфы раскиданы по всем землям, живут скрытно и не щадят тех, кто случайно попадаетеся им на пути.

И в самых глухих, пропитанных скорбью чащах жил эльф по имени Мортаниль. Он уловил на краю магического восприятия слухи о Холоде, что несёт смерть и безумие. Он испугался, но ещё больше – заинтриговался. В его древних фолиантах и потрёпанных свитках не было ни слова об этом.

– Магия?.. – бормотал он у себя под нос, перебирая пыльные свитки на старом дубовом столе, испещрённом таинственными рунами. – Но чья? Не наших ли сородичей, что ушли ещё дальше во Тьму?

Его дом был выдолблен внутри огромного мёртвого дерева. Черепа разных существ – от малых зверьков до великанов – были развешаны повсюду как обереги и трофеи. Толстые свечи, их было великое множество, отбрасывали дрожащие тени, скупо освещая похожую на пещеру нору. В очаге всегда что-то варилось и булькало в огромном почерневшем котле. И запах стоял такой едкий и густой – смесь плесени, редких трав и чего-то невыразимо гнилостного, – что даже самые мерзкие насекомые обходили его владения стороной.

Он и сам выглядел как оживший мертвец: высокий, до невозможности худой, с мертвенно-бледной, почти прозрачной кожей. Длинные, редкие, цвета воронова крыла волосы спадали почти до самого пола. Тонкие, длинные руки с синими прожилками едва высывались из-под широких рукавов истёртой чёрной мантии. Длинные, похожие на когти, ногти желтоватого цвета говорили о том, что он не занимается ничем, кроме магии и чтения. У него были тысячи книг и свитков, написанных мудрецами и безумцами со всех уголков мира. Его глаза всегда светились ровным зелёным светом, словно у совы, но в ярости они зажигались ядовитым огнём, а его бледное тело начинало излучать зловещее зелёное сияние.

Он мог спокойно поднять из гробниц десятки тысяч мертвецов и собрать армию, способную смести королевства. Но нет. Некромант Мортаниль решил заняться другой магией. Куда более изощрённой и древней. Ибо он понял простую истину: зло можно победить только ещё большим, всепоглощающим злом. Речь шла об этом Холоде. Он решил узнать, что это такое, и сразиться с ним на языке богов, на языке первозданной магии. Магия против магии. И пусть весь мир сгорит в этом противостоянии или замрёт навеки – его жажда познания была сильнее.

– Я слышал, что эти глупцы сражаются мечами против этой стужи... – злобно хихикал он, царапая заострённым ногтем пергамент, покрывая его сложными, извращёнными символами новой, невиданной магии.

– Жалкие, ничтожные существа. Я мог бы одним мановением руки спалить их жалкий мир доглы и оставить от него лишь армии покорных мертвецов... – Но этот Холод... Неужели он опередил меня? Неужели нашёл ключ к силе, перед которой меркнет даже моё искусство?

В ярости он воскликнул это, и зелёный огонь тут же вырвался из его ладони, поглотив чертёж с треском и шипением. Но по щелчку длинных пальцев пламя тут же погасло, исчезнув так же внезапно, как и появилось, оставив на столе лишь горстку пепла. Контроль был абсолютным, даже в припадке безумия.

Эльф начал лихорадочно собираться. Его безумные, горящие ядовитой зеленью глаза метались по мрачной пещере, выискивая нужные компоненты в грудах хлама и костей. Его посох, сделанный из сросшихся костей неведомого существа, увенчанный огромным черепом с искривлёнными рогами, отбрасывал тревожное, пульсирующее зелёное свечение. Некромант безостановочно бубнил под нос, то вкрадчиво, то переходя на злобный, пронзительный хохот. Его безумие было очевидно. Как и у всех его сородичей. Спустя тысячелетия тёмной жизни, посвящённой лишь магии и размышлениям о вечном, разум эльфов неизбежно даёт трещину. Долгое существование во тьме, вдали от солнца и жизни, медленно, но верно уничтожает рассудок. И, возможно, лишь это безумие и удерживало мир в относительной целостности и сохранности. Ибо если бы хоть один из этих древних, могущественных эльфов сохранил ясность мысли и волю к власти – он бы давно уничтожил мир.

Они всегда действуют в одиночку, движимые паранойей и манией величия. Эльфы ненавидят всё вокруг: людей за их мимолётность, гномов за их упрямство, животных за их простоту. Но больше всего они ненавидят собратьев, таких же, как они сами – вечных, могущественных и точно так же безумных, видя в каждом из них лишь конкурента в своём бесконечном, бессмысленном существовании.

Глава седьмая. Деревня Ыкунов.

Мечник и старик уже давно оставили свою тёплую, спасительную избу. Тот, кто был моложе, Эриан, то и дело оборачивался и с глухой тоской взирал на пройденный путь – из тепла очага в ледяное никуда. Что ждёт впереди? Новая жизнь или холодная могила в сугробе? Пока что вокруг – лишь высокие деревья, погребённые под тяжёлыми шапками снега. И снег. Кругом один снег, бесконечный и безжалостный. Куда ушло солнце? Сейчас ночь или день – было невозможно понять. Небеса затянула сплошная пелена свинцовых туч, и время застыло в одном ледяном, безвременном мгновении.

Двое шли через мёртвые поля и застывшие леса. Раньше здесь всё было зелёным и полным жизни. Сейчас же – один унылый, белый сумрак. Они двигались не спеша, с величайшей осторожностью, вглядываясь в каждую снежную пелену, в каждую тень меж деревьев. Любой шорох – даже подозрительный скрип ветки или шелест крыльев сороки – заставлял их замедлять, прижиматься к стволам и хвататься за оружие. Здесь водились медведи. Старик раньше на них охотился. По всем законам природы сейчас должна быть весна, и звери должны были выйти из берлог, голодные и злые. В этом сезоне они особенно опасны. Но этот проклятый холод снова принёс зиму. Остались ли они в своих логовах? Нет. Иначе им грозила смерть от голода. Стало быть, они, дикие, безумные от ярости и голода, где-то тут бродят и убивают всё, что видят, чтобы утолить своё ненасытное чрево.

Шаг за шагом становилось всё холоднее. Воздух звенел от мороза, и каждый вдох обжигал лёгкие как раскалённым, так и ледяным железом одновременно. Они бегут от Холода или идут ему навстречу? Эриан всё ещё мучился этим вопросом, но старику... Старику было плевать. Главное – идти. Не останавливаться. Двигаться вперёд. Так идут не те, кого пугают напасти, а те, кто сам их ищет.

– Мы скоро придём в места, где живут Ыкуны, – хрипло проговорил старик, не оборачиваясь. – Ты их не бойся, говорить буду я. Ни слова. И вообще, притворись немым. Понял? – Ыкуны? – тихо переспросил Эриан. – Кто они? Это люди? – Да, люди, но люди со своим диким нравом. Они не привыкли никому подчиняться и потому живут тут, на отшибе. Чтобы никто до них не добрался. – Получается, они не любят гостей... – Получается, так оно и есть! – старик хрипло рассмеялся. – Но они любят меняться. У них золота нет, но кров и еду мы у них найдём. Я прихватил безделушки разные. Им это понравится. Своим жёнам подарят. – Почему они «Ыкуны»? Так зовётся их народ? – Нет. Народ они такой же, как и мы. Просто они Ыкают. Постоянно «Ы» да «Ы». «Вот, видишь Ы, какое поле Ы, широкое Ы, да?» «Сколько идти Ы, интересно Ы?» – передразнил он их говор. – Понятно, – кивнул Эриан, сжимая рукоять меча под плащом.

Они шли дальше, и с каждой минутой тишина вокруг становилась всё более зловещей, будто сам лес затаил дыхание в ожидании чего-то неминуемого.

Тишину леса, гнетущую и звенящую от мороза, внезапно нарушили отрывистые, тяжёлые звуки. Тук. Тук. Тук. Эриан инстинктивно схватился за рукоять меча, но старик лишь мотнул головой.

– Это они. Работают. Кажись рубают дерево. Идём на звук. И помни – ни слова.

Они двинулись навстречу стуку, который эхом разносился меж заснеженных елей. Вскоре впереди показалась поляна. Двое коренастых, плотно одетых в меха мужчин с топорами в руках методично рубили ствол поваленной сосны. Их движения были рациональны и полны скрытой силы. Рядом стояли грубые сани, уже наполовину заполненные поленьями.

Один из мужиков первым заметил незваных гостей. Он не закричал, не бросился за оружие. Он просто перестал рубить, выпрямился во весь свой недюжинный рост и уставился на подошедших тяжёлым, испытующим взглядом. Его напарник через мгновение последовал его

примеру. Две пары глаз, узких и подслеповатых от постоянной жизни в снежной белизне, с холодным любопытством разглядывали старика и Эриана.

Молчание затянулось. Прерывал его лишь хруст снега под ногами старика, медленно подхившего ближе. Эриан замер позади, стараясь дышать тише.

Наконец, один из дровосеков, тот, что был повыше и с проседью в бороде, хрипло процедил: – Ы... Гости незваные. Ы... Зачем пожаловали, старик? Места тут глухие. Ы... Не проходной двор.

Старик остановился в паре шагов, кивнул с подобием уважения. – Мир вашему дому. И топору вашему. Не гости мы, а соседи. С окраины, что у Чёрной скалы. Идём от стужи. Ищем пристанища на ночь. Можем обменяться.

Второй дровосек, помоложе, с лицом, обветренным дочерна, мрачно хмыкнул: – Ы... Обменяться? На что? Ы... У нас всё своё есть. А чужаков мы не ждали. Ы... И не хотим.

– У меня есть кое-что, чего нет у вас, – не сдавался старик, медленно снимая с плеча свою котомку. Он, не торопясь, развязал её и достал оттуда несколько предметов: новый, блестящий стальной скобель, пару горстей крупных гвоздей да моток прочной пеньковой верёвки. – Видите? Вещи добротные. Не чета вашим, скованным на коленке. Женам своим подарите – обрадуются. А нам – ночлег да немного провизии. И все дела.

Взгляд старшего из дровосеков загорелся скупым, но явным интересом. Он перевёл взгляд на молчавшего Эриана. – Ы... А этот что молчит? Ы... Немой, что ли? Или язык прикусил?

– Немой, – без колебаний солгал старик. – С рождения. Но руки золотые. Может починить всё что угодно. Топор наточит – как бритва будет.

Молодой дровосек недоверчиво хмыкнул, но старший уже делал оценку. Он потрогал скобель, проверяя остроту лезвия большим пальцем. – Ы... Ночевать... Ладно. Ы... Но только в сторожке на краю деревни. И чтоб никуда не ходили. Ы... Утром – и чтоб духу вашего не было. Провизию дадим. Ы... За эти железяки.

– По рукам, – кивнул старик, протягивая товар. – Ведёшь?

– Ы... За мной, – буркнул старший, забирая скобель и гвозди и суя их за пазуху. Он что-то коротко сказал на своём наречии младшему, тот кивнул и продолжил рубить дрова, лишь искоса бросая на уходящих подозрительные взгляды.

Старик и Эриан двинулись следом за своим проводником вглубь леса, к деревне Ыкунов. Эриан чувствовал, как сотни невидимых глаз следят за ними из-за заснеженных елей. Они добились своего. Но ощущение опасности не исчезло.

Один из Ыкунов провёл их до «сторожки», что стояла на самом краю деревни, в стороне от других домов. Сама деревня показалась на удивление приветливой: аккуратные, крепкие срубы, дымок из труб, припорошенные снегом плетни. Люди – коренастые, суровые на вид – с нескрываемым любопытством поглядывали на чужаков занимаясь своими делами. Народ здесь был суровым, как и их зазубренные топоры.

Ночлежка для старика и мечника оказалась простой: грубая печь, стол да две кровати, застеленные овечьими шкурами. Но и это было спасением после долгого пути по снежной пустыне и понижающей стуже.

Им принесли еду и провизию в дорогу: варёное мясо, печёную картошку, густой наваристый суп. После скудных походных пайков им показалось, что это пища богов. – Я же говорил, что они любят меняться, – прошептал старик Эриану, не забывая, что тот «немой». – Им пришили по душе те безделушки.

После сытного ужина они улеглись. Ночь стояла холодная и неестественно тихая. Ветер завывал в щелях, трепал крышу и постукивал ставнем о оконницу. Сквозняк, свистящий у пола, был похож на колыбельную зимы – монотонную и неуютную. Старик быстро засопел, но вскоре в дверь постучали.

Вошел невысокий, по меркам ыкунов, мужчина и молча присел на табурет у печи, протянув к огню руки.

– Приветствую, странники. Присяду маленько, погреться. Куда путь держите? – спросил он тихо, чтобы не будить спящего. – И тебе добра, – отозвался старик, приподнимаясь на локте. – Уходим подальше от этого холода. Он становится ещё суровее. Не заметил? Тот почесал затылок, глядя в пол: – Даа, холодает, маленько. Но наши никуда не собираются. Говорят, побольше дров наколоть – и дело с концом. А вам есть куда идти? Али куда глаза глядят? – Суровый народ у тебя, однако! – хрипло усмехнулся старик. – Сперва дойдём, где потеплее, а там видно будет. Оглядимся, чья земля, кто живёт... А ты, я смотрю, не ыкаешь? Не местный? – Да местный я... – ответил мужчина, вглядываясь в огонь в печи. А затем резко поднял глаза на старика и с задорной усмешкой сказал: – Ы! И тихо рассмеялся. – Родился здесь, но потом ушёл на много лет в Белокаменную. Пожил маленько, повидал свет, да вернулся. Не моё это. Суета да шум! – Ясно, – кратко ответил старик, намёк был понятен. – Я дорогу знаю. Могу провести вас по безопасной тропе, если одно дельце сделаете для меня. Старик уже заинтересовался и приоткрыл глаза. – Что мы можем сделать для тебя? – Да тут я написал, маленько... Письмецо. Вы ведь в сторону Белокаменной идёте? Отнесли бы. Там живёт одна... моя возлюбленная. Адрес напишу. – Хорошо, романтик! Сделаем! – Ну, хорошо, завтра утром зайду к вам. Доброй ночи! – И тебе не хворать!

Незнакомец вышел так же тихо, как и появился. Старик повернулся к стене и почти сразу уснул тяжёлым, глухим сном. Эриан всё слышал и лежал, не смыкая глаз, с рукой на рукояти меча.

Печь потрескивала так тихо, что это едва уловимое звучание лишь подчёркивало всепоглощающую тишину. Эриан подкинул ещё дров – на всю долгую ночь. Чтобы было теплее. Холод, как и смерть, вечен. Он всегда берёт своё, если ты перестаёшь подкармливать огонь. Последнее, что чувствовал Эриан, погружаясь в короткий тревожный сон, – это абсолютная, звенящая тишина снаружи. Даже ветер стих, отступив перед чем-то большим. И казалось, будто самого холода больше нет – остались лишь тишина, покой и хрупкое укрытие, затерянное в бескрайней, спящей белизне.

Сон этих двоих прервал резкий, оглушительный шум. Это была битва! Звук железа, бьющегося о железо, душераздирающие стоны, рёв людей и треск пожираемого огнём дерева. Со всеми этими звуками Эриан и старик были знакомы слишком хорошо. Они вскочили, мгновенно встретились взглядами и без слов поняли друг друга: «В бой!».

Они спешно оделись. Эриан, не отрываясь, смотрел в заиндевшее окно, а там царил настоящий ад: горели дома, женщины и дети в ужасе металась меж горящих срубов, а мужчины-ыкуны сражались с отчаянием обречённых. Ыкуны, могучие и яростные, размахивали тяжёлыми топорами. Их рыжие волосы разлетались, а бороды были покрыты примёрзшей в лёд кровью и слюной. Они сражались практически без успехов – лишь в мехах и кожи. Только они, их первобытный рёв и огромные топоры, которые будто разрубали зимний туман, оставляя за собой кровавые следы.

Их противники, те, кто напал на деревню, не были такими рослыми, но с ног до головы были закованы в чёрные, как ночь, латы. Они держали длинные щиты, сомкнутые в сплошную стену, и короткие прямые мечи. Действовали они слаженно и методично. Стена щитов удерживала яростные натиски разъярённых ыкунов, а из-за неё, в образовавшиеся бреши, точными колющими ударами мечей солдаты уродовали ноги, вспарывали животы, наносили смертельные раны. Это были не простые грабители, от них они отличались железной дисциплиной и отработанной тактикой профессиональных воинов.

Эриан крикнул старику: «Скорей!» – и, вышибив дверь плечом, ринулся в самую гущу сражения. Один раненый и уже измождённый ыкун, увидев это, воодушевился и с новыми силами прыгнул в толпу нападавших.

Эриан ловко размахивал длинным мечом – у него был богатый опыт войны против такой тактики. Его клинок сверкал посреди ночи, оставляя в воздухе смертельные следы. Головы в черных хундсгугелях, слетая с плеч, отскакивали по снегу, рисуя на снегу багровые дорожки. Руки, ещё сжимающие мечи, отлетали в стороны. Ноги подкашивались под телами, и воины в латах с грохотом падали, и их добивали уже на земле. Эриан будто сошёл с ума, не чувствуя ни усталости, ни страха. Вокруг него летели брызги крови, куски плоти, обрывки кожи и внутренностей.

Старик тем временем успел подстрелить из своего лука нескольких воинов. Он каким-то образом вскарабкался на крышу сторожки и оттуда, как хищная птица, сеял смерть с воздуха. Его стрелы находили единственное уязвимое место в их латах – прорезь для глаз в массивных шлемах. Солдаты падали замертво с торчащими из глазниц древками.

Но недолго играла их кровавая песня. Воинов в латах было больше – намного больше. Со свистом вонзился арбалетный болт в ногу старика, и тот с глухим стоном свалился с крыши в сугроб. Эриана и последнего оставшегося в живых ыкуна, того самого, что первым бросился с ними в бой, окружили плотным кольцом щитов и прижали спинами к горящему дому.

Они остались втроём. А вокруг – море крови, пожар, усеянный отрубленными руками, ногами, головами с застывшими масками ужаса. Кишки, вывалившиеся из распоротых животов, дымились на снегу. Нападавшие положили всех – не пощадили ни детей, ни женщин. Деревня вырезана под корень.

Старика, истекающего кровью, грубо притащили и привязали к столбу. Эриана и ыкуна, получивших несколько ран, повалили на землю и скрутили.

– Этого рыжего храбреца пока не трогать! – приказал своим солдатам их командир, снимая окровавленный шлем.

Он был уставшим и тяжело дышал. Его глаза, дикие и воспалённые, бегали из стороны в сторону, выискивая новую угрозу – не выскочит ли ещё один обезумевший ыкун из горящего дома.

– И этих двоих тоже! – он указал подбородком на Эриана и старика, стоя отдыхая и упираясь на свой щит. – Они не похожи на этих дикарей.

Троих пленников потащили к горячей стене дома и грубо поставили на ноги. Они стояли как приговорённые к казни, перед строем арбалетчиков, заряжавших свои смертоносные машины. Старик, бледный от потери крови, еле держался на ногах. Эриан, весь в крови и покрывающийся ледяной коркой, гордо смотрел прямо в глаза своим палачам, словно пытаясь запомнить каждое лицо. Рядом с ними ыкун, казалось, находился в состоянии шока; он не видел врагов, а лишь смотрел на горящие дома и тела своих сородичей, будто не веря, что это происходит наяву.

– Ты, старик, немало моих ребят подстрелил, – сипло проговорил командир, прохаживаясь перед ними. – А ты, воин с мечом, не отставал. Почему вы ввязались в драку за этих дикарей? Вы явно не местные... – Это уже не твоё дело, грязная псина, кусающая всех подряд, будто бешеная! – нагло и дерзко, сквозь стиснутые зубы, ответил Эриан.

В этот момент ыкун медленно повернул голову. Он посмотрел на Эриана удивлёнными, почти детскими глазами, а затем перевёл взгляд на старика и хрипло выдавил: – Ы... Ты ведь сказал, что он немой, ы...

Не успели слова растаять в морозном воздухе, как один из солдат, не дожидаясь приказа, взмахнул мечом. Голова ыкуна полетела с плеч. Из шеи хлынул алый фонтан, забрызгав снег и лица стоящих рядом солдат тёплой, липкой кровью. Безглавое тело медленно осело, уткнувшись в сугроб, словно само пытаясь себя похоронить. А голова, скатившись, застыла на снегу с широко открытыми глазами, и на её заиндедевевших губах, казалось, навсегда застыло немое «Ы...».

– А теперь, – командир подошёл вплотную к Эриану, – что ты там говорил про пса? Ну-ка, повто...

Он не успел договорить. Из темноты между горящих домов с свистом вылетело тяжёлое копье. Оно вонзилось ему в лицо с такой чудовищной силой, что железный наконечник вышел навывлет из затылка. Командир замертво рухнул навзничь.

Из тёмных провалов между горящими срубами, из-за повозок и сугробов, с диким, звериным рёвом высыпали новые воины. Они были облачены в лохматые меха, их тёмная кожа была испещрена синими татуировками, а длинные, спутанные волосы развевались на ветру. Они не носили шлемов, и их искажённые яростью лица казались высеченными из старого дуба. В их руках были странные, тяжёлые мечи с зазубренными лезвиями и топоры на длинных древках.

Они обрушились на ошеломлённых солдат в латах. Те, застигнутые врасплох, не успели построиться в свой смертоносный строй. Началась бойня. Дикари рубили с плеча, не обращая внимания на удары. Одного латника разрубили пополам одним ударом – его внутренности, похожие на гигантских розовых червей, вывалились на снег, парясь на морозе. Другому отсекли голову, и она, покотившись, угодила прямо в костёр. Третьему рассекли грудь вместе с латами, обнажив бьющееся в агонии сердце.

Бойня закончилась так же быстро, как и началась. Вся площадь была усеяна обрубками тел в чёрных доспехах. Победу одержала новая, ещё более дикая и безжалостная сила.

Старик, истекая кровью и приходя в себя от шока, понимающе смотрел на происходящее. Напавших на ыкунов солдат уничтожила другая напасть. Более жестокая, чем дисциплинированные воины, и более дикая, чем сами ыкуны. Мир рушился, и на его обломках появлялись всё новые и новые чудовища.

Эриан с трудом поверил своим глазам. «Что творится с миром, если в такой богом забытой глуши происходит такое?!» – пронеслось у него в голове.

Новые пришельцы смотрели на Эриана и старика. Те были связаны и уже почти без сил сидели на коленях в снегу. Эти существа лишь отдалённо напоминали людей. Их лица были грубыми и массивными, как и их плечи. Нижние клыки, желтые и острые, выпирали из-под толстых губ. Заострённые уши были унизаны множеством сережек из кости и металла. Их руки и ноги, покрытые шрамами и татуировками, были жилистыми и мощными – идеальное оружие для убийства.

– Неужели орки... – прошептал старик, и в его голосе прозвучал неподдельный ужас. – Они же остались лишь в легендах...

Эриан удивлённо посмотрел на старика, а затем на существ. Он слышал об орках только в сказках и древних летописях. Вспомнилось, что в древние времена их было не меньше, чем людей, и вражда закончилась лишь тогда, когда на полях боя полегли почти все орки. Остались лишь их каменные идола, напоминавшие о былой славе. Он знал, что орки умели хорошо воевать, но не отличались умом, и люди победили их хитростью. Но что произошло сейчас? Они будто ждали окончания битвы между ыкунами и воинами в чёрных латах, выждали момент и напали, как голодные волки.

– Ыгр дак кардар иж мун ак даа... – что-то хрипло пробормотал один из орков, указывая на пленников грязным пальцем.

К удивлению, из толпы орков вышел человек. Он подошёл к Эриану и старику и присел на корточки. Его лицо было испачкано сажей, а в глазах читалась усталая покорность судьбе.

– Он сказал, что вы высокомерно смотрите на них, – перевёл человек и взглянул на орка, ожидая продолжения. – Дарын зак агдаар ар ар борг... – прорычал орк. – Хоть вы и связаны и сидите на коленях... – продолжил переводчик. – Дараг дог кород га дар уга! – голос орка прозвучал как удар грома. – Вы, люди, всегда были такими высокомерными, – безэмоционально перевёл человек.

– Ни в коем случае... – перебил его старик, с трудом поднимая голову. – Мы были здесь в гостях. Вот хозяин этой деревни... – он кивнул в сторону отрубленной головы ыкуна.

Орк бросил на неё беглый взгляд, полный презрения.

– Потом на них ночью напали эти люди в латах, – старик говорил, еле выговаривая слова от усталости и боли. – Они не пощадили никого... Мы тоже сражались против них, но их было больше...

Эриан и вправду почувствовал себя немым – то ли от шока, то ли от невероятности происходящего.

– Грах хадах грид раа кон хеда! – внезапно громко воскликнул орк, и его хриплый хохот раскатился по площади.

Его сородичи подхватили этот смех, и вскоре воздух содрогался от их звериного рёва.

– Он сказал, что эти люди в латах просто опередили их, – ухмыльнулся переводчик и стал развязывать тугие узлы на руках старика.

Вскоре он освободил и Эриана.

– Я здесь с орками, чтобы грабить, – без всякого стыда объяснил человек. – Они мало что понимают, вот и взяли меня с собой как переводчика. Мы ходим и грабим всё вокруг. – То есть ты грабишь своих? – с отвращением прошипел Эриан. – Ты предатель... – Для меня сейчас нет разницы, кого грабить, – пожал плечами тот. – Выжить хочется. Когда приходит такой холод, становится неважно, чей костёр будет тебя греть... – Что будет с нами? – спросил старик, с трудом поднимаясь на ноги. – Мы отпустим вас. Идите своей дорогой. И не оглядывайтесь.

Старик и Эриан переглянулись и, не проронив больше ни слова, побрели прочь. Они собрали свои уцелевшие вещи и, не глядя на орков, начали уходить. За их спинами орки уже разводили свои костры, начинали пить и плясать среди пепла и трупов. Горящая деревня хорошо их грела.

Эриан и старик оставили позади этот кровавый огонёк, который ещё недавно был полон жизни. Они не говорили друг с другом. Просто шли, прихрамывая, в безмолвной тишине. Пути назад не было – слишком далеко ушли. А что ждало впереди? Если даже в такой глуши творятся такие вещи, то что же происходит в остальном мире?

Глава восьмая. Наёмники.

На высоком холме, посреди бескрайних полей, занесённых глубоким снегом, возвышался угрюмый исполинский замок. Его толстые, почерневшие от времени стены казались неприступными. Этот город-крепость стоял на перекрёстке главных дорог между югом и западом Истмарша, и потому торговля здесь кипела даже в самые лютые времена.

Днём город оглашался шумным гулом: стоял гомон торга, скрипели полозья саней, сновали взад-вперёд торговые караваны. Но с наступлением ночи его узкие, извилистые улочки превращались в опаснейшее место для прогулок. Здесь, в густых тенях, прятались острые кинжалы и чужие интересы.

В одной из таких улиц, на самом её дне, куда даже свет фонарей боялся заглядывать, стояла таверна. «Последняя Свеча» – так называлось это пристанище отчаянных. Сюда стекались самые разные люди, и у каждого были свои, далёкие от благих, намерения. Кто-то находил здесь партнёров для тёмных делишек, а кто-то нанимал убийцу, чтобы убрать слишком удачливого конкурента. Говорили, что именно в этих стенах решаются сделки, которые держат на плаву всю экономику города. Потому городская стража сюда предпочитала не заходить.

Таверна имела несколько этажей. Те, кто побогаче и постатней, располагались наверху, в отдельных кабинетах. Внизу же, в общем зале, клубился самый разномастный сброд. Большие дубовые столы всегда были залиты вином и пивом, а на столешницах громоздились остатки яств со всех уголков света.

Огромный камин, достигающий почти потолка третьего этажа, согревал всю таверну жарким, почти звериным теплом. Ходили слухи, что не один пьяница случайно свалился в его огненную пасть, и их исчезновение так никто и не заметил. Многих во время драк намеренно сталкивали в огонь – здесь царили свои правила, и смерть была обыденностью.

Помещение было освещено тусклым светом сотен сальных свечей, а полы устланы потрёпанными, вьёвшимися в грязь коврами, некогда дорогими.

За одним из столов в углу сидели три странных существа. Зеленоватая кожа, длинные заострённые носы, торчащие во все стороны огненно-рыжие волосы. Они были невысокого роста, а их голоса звучали тонко и противно, словно скрип несмазанных колёс. Существа были одеты в потрёпанные кожаные доспехи. Кривые, почти круглые клинки, не то сабли, не то кинжалы, красовались у них на поясах. Их руки и ноги были короткими, но мускулистыми и жилистыми, выдавая ловких и вертких бойцов. Они о чём-то оживлённо шептались, разглядывая потрёпанную, испещрённую пометками карту.

Это были гоблины. Редкий, хитрый и бесчестный народец, всегда готовый воткнуть нож в спину доверчивому нанимателю. Их часто нанимали как наёмников или охрану для караванов, но нередко случалось так, что они же эти караваны и грабили. Чистейший рэкет. Лучший способ с ними договориться – нанять и заплатить очень, очень щедро.

На этот раз их нанял некий незнакомец в тёмном плаще с надвинутым на лицо капюшоном. Он так и не показал своего лица. Задание было – разыскать древний артефакт где-то на востоке, в тех краях, где холод свирепствовал даже сильнее, чем на севере. За такие риски гоблины запросили тройную цену. Они обожали приключения, не мысля без них жизни. Их народ делился на боевые отряды – банды. Каждый такой отряд имел своё название, свои законы и свою печальную славу. Эти трое были из банды «Черной Руки». Их знамя – кроваво-красное полотнище с чёрной отрубленной гоблинской кистью – наводило ужас на окрестности. Они славились бешеной скоростью передвижения и яростными, почти безумными атаками. Но их главная тактика была в ином: если чаша весов начинала склоняться не в их пользу, они не бежали, а отступали, чтобы ударить снова – ещё более изощрённо и подло.

То задание, что дал им незнакомец в плаще, растянулось бы на многие месяцы, а может, и годы. Но аванс был более, чем щедрым – три увесистых мешка, туго набитых золотыми кронами, которые с глухим лязгом опустились на их стол. Этого с лихвой хватало, чтобы ослепить алчностью любого гоблина. И это была лишь половина! Вторая, такая же внушительная сумма, ждала их по завершении дела. Незнакомец знал, как заинтересовать подонков.

Но сейчас, в ожидании главной охоты, им требовалось нечто более простое и быстрое – разминка перед большой дорогой и возможность пополнить казну ещё до её начала. Да и кто знает, сколько ещё таких «лёгких» дел подвернётся, пока будут идти долгие поиски артефакта для таинственного незнакомца.

Их дурная слава работала на них. Работёнка сама шла в руки. В тот вечер в их угол, залитый тенью и запахом дешёвого табака, подсел оплывший от жира и хмеля человечишка. Его щёки лоснились от сала, пальцы были жирны от только что съеденной свиной ноги.

– Слушайте, а вы те самые, да? – просипел он, икая и оглядываясь по сторонам. – Те, что решают... эмм... ну, вопросы?

Шнип, прищурив свои желтые глаза, лишь кивнул, медленно облизывая лезвие своего кривого кинжала. Его взгляд скользнул к двум драгоценным мешкам у ног – никто не посмел бы тронуть их здесь.

Пьяница, понизив голос до грязного шёпота, принялся изливать душу. Раньше он вёл счета и хозяйство у одного купца – толстосума и скряги. Считал его монеты, знал все его тропки и тайные сделки. А теперь тот вышвырнул его на улицу, как старую ветошь, обозвав вором и пьяницей при всём честном народе.

– Что мне теперь остаётся? – всхлипнул он, даваясь собственной жалостью. – Только пить да в забвении искать конец своим дням... Но я ему отомщу! Я знаю всё! Я знаю, когда и где его следующий караван пойдёт через то самое Пересохшее русло! С охраной слабой, ведь он скупой, паршивая собака! Считает, что раз один раз пронесло, то и дальше будет гладко!

Он выложил им всё: дату, маршрут, количество телег и стражников. Вся его месть уместилась в нескольких слюнявых фразах.

Гоблины переглянулись. Уголки их ртов поползли вверх в мерзких ухмылках. Идеально. Лёгкая добыча и дополнительный заработок. Их гнилые, пропитанные жадностью души остались совершенно спокойны. Совесть не мучила их ни секунды. Предательство, месть, убийство – для них это был лишь ещё один обычный рабочий день. Они кивнули пьянице, сунули ему в руку ещё кружку самого дешёвого пойла и отправили прочь.

Задание было ясным, как лёд: караван богатого купца, везущий серебро для жалования гарнизона форта «Серая Скала». Добыча – тяжёлые железные сундуки, полные звонких серебряных монет. Гоблины из банды «Черной Руки» во главе с тремя своими предводителями – хитрым Шнипом, яростным Гракком и бесстрашным Когтем – выследили обоз у старого пересохшего русла, ныне скованного ледяным панцирем.

Их первая атака была подобна внезапному урагану. С пронзительными, леденящими душу визгами, из-за снежных заносов и мёрзлых валунов высыпала тёмная масса гоблинов. Их было много, целый отряд, но впереди неслись трое, меткими выстрелами из уродливых луков осыпая охрану отравленными стрелами. Два стрелка охраны рухнули, один – с пробитым животом, другой – захлёбываясь кровавой пеной, горло его было пробито насквозь.

Но командир конвоя, седой ветеран с лицом, покрытый шрамами, не дрогнул. – Копья наизготовку! Сомкнуть строй! Щиты стеной! – его рёв взметнулся над хаосом.

Наёмники, закалённые в боях, мгновенно исполнили приказ. Они сомкнули щиты, образовав вокруг повозок стальное кольцо, из-за которого тут же выставился частокол смертоносных наконечников.

Яростный натиск гоблинов разбился о железную дисциплину. Шнип, пытавшийся запрыгнуть на щит, получил удар копьём в бедро. Кость хрустнула, и он с визгом откатился,

истекая чёрной кровью. Гракк, попытавшийся поднырнуть под защиту, лишился кисти руки – отсечённая конечность отлетела в сторону, пальцы ещё дёргались в предсмертной агонии.

– Отступаем! К скалам! – просипел Когть, стаскивая раненых вождей.

С визгом и повизгиванием, притворяясь полностью разбитыми, гоблины ринулись прочь, бросая даже оружие, оставляя на снегу лужи крови и кровавые следы. Наёмники ответили победным рёвом, колотя мечами по щитам. Они видели бегство, а не тактический манёвр.

Они не знали, что для «Черной Руки» отступление – лишь первый крюк в капкане.

Пока люди праздновали, раненые Шнип и Гракк, стиснув зубы, перевязывали раны, заглушая боль дикой яростью. А в это время основная масса отряда, невидимая и бесшумная, уже совершала обход.

Вторая атака обрушилась на людей с той стороны, откуда её ждали меньше всего – сзади и сверху. С обледеневших скал на них посыпались мешки с гниющими внутренностями дохлых тварей и ядовитыми колючками. Вонючая, ослепляющая масса обрушилась на строй, вызывая рвоту и панику.

И в этот миг из-под самого льда, прямо у колёс повозок, вынырнули десятки зеленокожих тварей. Они не имели привычки биться в честном бою – они резали подколенные сухожилия, нападая исподтишка, вспарывали животы, кидались на спины и вонзали кривые клинки в шею, в щели между доспехами.

Строй рассыпался в мгновение ока. Воздух наполнился хрустом костей, хлюпаньем рассекаемой плоти и душераздирающими криками. Гоблины, ведомые тремя своими предводителями, носились меж падающих тел, добивая раненых, вспарывая горла, отрубая конечности. Кишки горячим паром вываливались на лёд, спутывая ноги ещё живым. Кровь лилась ручьями, растекаясь по льду алыми узорами.

Ветеран, пытавшийся собрать людей, получил от Когтя метко брошенный топор в лицо. Он рухнул, и Шнип тут же добил его, всадив нож в горло по самую рукоять.

Через несколько минут всё было кончено. Тишину мёртвого русла нарушал лишь треск догорающих повозок да довольное похрюкивание гоблинов, обшаривающих карманы мёртвых тел. Они победили не силой, а привычным для них вероломством. Они отступили, чтобы заманить врага в ложное чувство победы, и вернулись, чтобы вырезать его под корень.

Забрав серебро и отрубив на память несколько голов с ещё не остывшими лицами ужаса, «Черная Рука» растворилась в сумерках. Они оставили после себя лишь ледяную чашу, заполненную мёртвыми телами, вывернутыми наизнанку, и лужи крови, медленно застывающие в причудливые багровые узоры. Ещё одно место на карте этого мира стало проклятым.

Глава девятая. Трисмерия.

Трисмерия. Жестокая земля для слабых и щедрая для сильных. Здесь одни вечно ходят согнувшись, не смея выпрямить спины, в то время как другие скачут на конях, не щадя ничьих жизней и не зная преград. Этот суровый материк, омываемый водами трёх великих морей, хранит в себе бесчисленные истории боли и величия.

Меж этих морей раскинулись владения трёх королевств западных людей, некогда объединившихся в единое Королевство Трёх Морей. Но единство это было хрупким, купленным кровью и железной волей.

Само же Королевство Трёх Морей зиждилось на трёх китах:

На севере плескалось Туманное море, омывавшее холодные берега Норланда. Суровые северные люди, чей дикий нрав был некогда усмирён мечом и волей короля Арланда Первого.

На западе бушевало Бурное море, естественная граница Вестмарка – родины королей из династии Арландов, колыбель их мощи.

На востоке улыбалось обманчиво спокойное Изумрудное море, омывавшее плодородные земли Истмарша, страна вольных городов.

А если кинуть взор ещё далее на восток, то мы увидим Каменные Столбы, а за ними лежит бескрайняя степь – Туймад, земля воинственных и свободолюбивых уранхайцев. Их взгляд устремлён в бескрайнее небо, а душа не терпит стен и оков.

К югу простираются безжизненные пустыни. Никто ещё не вернулся оттуда живым. Это место – тайна, покрытая мраком, палящим солнцем и вечной засухой.

Под одной короной Вестмарк, Норланд и Истмарш процветали. Но последний правитель, внук Арланда Первого, Арланд Второй Справедливый, правивший из Вестмарка, скоропостижно скончался. И не он один – все, в чьих жилах текла кровь монарха, стали один за другим умирать таинственной смертью, с инеем на губах и застывшим ужасом в глазах.

Началась Война Трёх Морей. Погибло ещё больше людей, чем во времена завоеваний. И некогда великое королевство раскололось, а на обломках его тронов стали править жадные до власти проходимцы, готовые растерзать друг друга ради призрака былого величия.

– Король умер, и вся его семья канула в небытие... Даже бастардов не пощадили.

Собеседник окинул взглядом, острым и цепким, с прищуром хитрой лисицы, и губы его тронула ухмылка, кривая и многозначительная.

– И теперь этими землями единолично владеет наш горячо любимый герцог Арахрим Второй. Мне всегда был противен сей союз. И название-то какое – Королевство Трёх Морей! Звучит так надменно!

– Так точно, милорд, потому-то мы здесь и оказались. У нас для герцога приготовлены щедрые дары. Когда будет можно преподнести их ему?

– Принимать дары наш герцог любит. А вот мыслить и вершить судьбы королевства – не его любимое поприще.

– Тогда с кем же вести переговоры? Мой конунг ждёт срочного ответа...

В это время на поле вовсю кипел турнир. Рыцари со всех уголков Вестмарка съехались сюда, жаждая славы. Со смертью короля всякая узда ослабла, и эти благородные мужи, забыв о долге, уподобились наёмникам. Всякий, у кого звенело в кошеле золото, мог нанять их для своих тёмных делишек. Ибо когда действуют рыцари в сияющих латах, на породистых конях, то любое их деяние – пусть низкое и грязное, как конский помёт – в глазах черни будет выглядеть благородным и чистым делом. Никто и не подумает о подлой сути. Вот и устраивали они турниры, чтобы имена их гремели в народе. Ибо чем знатнее рыцарь, тем тяжелее должен быть его кошель с золотом, чтобы его нанять.

– Говорить нужно... со мной, – продолжил лорд, понизив голос до едва слышного шёпота.
– И говорить надлежит шёпотом и не здесь. Ибо глаза и уши здесь повсюду, дорогой мой друг!

Незнакомец, чьи одежды всё ещё пахли морской солью и северным ветром, замер на мгновение, осмысливая сказанное. Он был норландцем, посланником конунга с далёких скалистых берегов, и его речь была грубой и прямой.

Вестмаркец отвёл их в растущий сад, где их разговор жадно поглощали листья разнообразных растений.

– С вами, милорд? – переспросил он, и в его голосе уже зазвучала привычная норландская надменность, прикрывающая настороженность. – Мы пришли говорить с правителем Вестмарка. Наши драккары полны даров не для придворных советников, а для герцога. Наш конунг предлагает союз против Истмарша. Их границы ослабли, их поля горят. Сейчас время бить, а не шептаться в саду.

Его спутник, молчаливый великан в кольчуге, с тяжёлым боевым топором за спиной, мрачно кивнул, подтверждая каждое слово.

Человек в камзоле Вестмарка усмехнулся, но в его глазах не было веселья. Он отпил из кубка, давая норландцу высказаться, давая ему почувствовать свою мнимую силу.

– Ваш конунг мудр, – начал он, обводя взглядом шумную толпу, – и его предложение... своевременно. Истмарш и вправду истекает кровью. Но не от ваших топоров и не от наших мечей.

Он сделал паузу, наслаждаясь замешательством на суровых лицах северян.

– Месяц назад уранхайская конница вновь хлынула через Каменные Столбы. Мы думали – обычный набег. Пограбят – и уйдут в степь, как делали всегда. Но на сей раз... на сей раз они остались. Орда Мункэ, нового тэгина степей, не просто прошла огнём и мечом – она разбила свои юрты на пепелищах. Они не ушли. Они раскинули свои стойбища на наших – нет, простите, на их – лучших пастбищах, по самую реку Олуэн. Истмарш для вас больше не существует. Есть восточные земли, на которых теперь кочуют уранхайцы.

Лицо норландского посланника вытянулось. Весть была настолько ошеломляющей, что даже его железная выдержка дала трещину. Они плыли несколько недель. Мир изменился, пока они были в пути.

– Остались? Но... это невысказанно! Их дело – грабить и уходить! Их душа не терпит стен!

– Души меняются, – холодно парировал вестмаркец. – Или ими правят новые законы. Мункэ не простой кочевник. Он провидец. И он ведёт их не просто за добычей. Он что-то ищет.

Он снова понизил голос, и норландцам пришлось наклониться, чтобы расслышать его среди рёва толпы.

– Ваш союз против Истмарша подобен попытке ударить по тени умершего. Вы спорите из-за призрака. Герцог Арахрим... он видит лишь свой титул и свои виноградники. Но те, кто действительно держит нити, мыслят иначе. Мы знаем, что настоящая перемена приходит не с востока, где кочуют люди. Она приходит оттуда же. Из самых глубин Истмарша.

Он посмотрел прямо на норландца, и в его взгляде не читалась угроза, а почти что жалость.

– Тот Холод, что сковал восточные земли... он не уйдёт с весной. Он ползёт с тех самых пепелищ, где теперь кочуют уранхайцы. Он пожирает ту землю, пока вы здесь торгуетесь из-за неё. Он уже здесь. И если мы, все мы – норландцы, вестмаркцы, и даже те, кто ещё держится в тени уранхайских сабель – не перестанем смотреть друг на друга, как на добычу, а посмотрим на восток, то очень скоро не будет ни золота, ни земель, ни имён для найма. Будет лишь тихий, всепоглощающий лёд. И шёпот в метели.

Норландец отступил на шаг, поражённый. Его уверенность испарилась, уступив место суеверному страху, знакомому каждому жителю его сурового края.

– Что... что ты предлагаешь? – выдавил он, и его голос впервые зазвучал не как угроза, а как вопрос.

– Я предлагаю вам выбрать, норландец. Уйти к своему конунгу и рассказать ему о союзе против царства, которого уже нет. Или остаться здесь, на турнире, и присмотреться. Увидеть не только блеск лат, но и страх в глазах тех, кто их носит. А потом... потом мы поговорим снова. О другом союзе. Против другого врага.

Сказав это, он ловким движением руки сунул норландцу в ладонь маленький, холодный железный ключ.

– Комната в западной башне. После заката. Без вашего великана. И помните – глаза и уши повсюду.

И прежде чем норландец успел что-то ответить, советник растворился в толпе, оставив его одного с грохотом турнира, жарким солнцем Вестмарка и леденящим душу предчувствием той самой беды, что надвигалась с востока.

Норландцы удалились. В их глазах тлела не просто гордыня – пылала обида. Они ненавидели тех, кто умнее и сильнее, а в каждом взгляде вестмаркца им чудилось высокомерие, будто распавшееся королевство всё ещё смотрит на них свысока, будто тень Арландов всё ещё падает на их суровые, не знавшие изящных манер лица.

Эрлик проводил их взглядом, а затем обернулся к городу, раскинувшемуся у его ног. Аквилон – так называлась столица, колыбель династии Арландов. Город, стоявший на островах посреди широкой реки Лирин, был прекрасен и странен. Крыши всех домов, от самых богатых особняков до беднейших лачуг, были покрыты синей черепицей, отливавшей на солнце тысячами оттенков – от лазурного до глубокого индиго. Серые каменные стены, отполированные веками дождей и ветров, блестели под лучами солнца, словно мокрый гранит.

Прямо через сердце города текла Лирин, её воды, обычно зелёные и спокойные, сегодня были искрящимися и быстрыми. По реке сновали бесчисленные корабли: тяжёлые, неуклюжие когги торговцев с надутыми парусами; лёгкие, юркие лодки рыбаков, расставлявших сети; и изящные галеры знати, украшенные гербами и позолотой. Воздух был наполнен криками чаек, скрипом канатов, плеском воды о камни набережной и далёкими возгласами торговцев с мостов. Эрлику этот шум был музыкой – симфонией власти и процветания, которую его семья создавала и контролировала долгие годы.

Эрлик был из династии Фиоринов. Если Арланды правили мечом и короной, то Фиорины правили золотом. Его семья веками оставалась в тени трона, но именно их сундуки определяли вес короны. Золота у них было больше, чем у любого монарха. Они одалживали его коронам в голодные и военные годы. Банкирское дело, ростовщичество, переводы средств – казалось, рука Фиоринов была в каждом кошельке, а их проценты капали с каждой сделки в королевстве.

Именно хитрость Эрлика и золото его семьи возвели на трон Вестмарка слабовольного Арахрима Второго. Эрлик давно усвоил мудрость предков: настоящий правитель не тот, на чьей голове корона, а тот, кто может себе позволить её купить. Короны меняются, монархи приходят и уходят, а кредиторы – вечны.

Именно Фиорины, словно опытные кукловоды, финансировали Войну Трёх Морей, подливая масла в огонь вражды. Ни Норланд, ни Вестмарк, ни Истмарш не одержали в ней победы. Но был один несомненный победитель – дом Фиоринов. Их сундуки, и без того полные, наполнились до краёв, а самое главное – в числе их должников теперь значились не какие-то монархи, а три государства: Вестмарк, Норланд и Истмарш.

Эрлик сделал глоток вина, его глаза блестели холодным, ясным светом человека, знающего истинную цену всему на свете. Шум Аквилона был для него не просто городской суетой, а звуком стабильно работающего механизма власти, который он сам и смазал своим золотом.

Лорд возлежал в своих пышных хоробах, уставившись на пеструю люстру из бледного изумруда. Зелёные блики, пляшущие по стенам, погружали его в тяжкие думы. До него уже

дошли тревожные слухи. Об орках, не появлявшихся многие столетия. Его беспокоило безвестие о гномах – куда подевались эти упрямые рудокопы? Гоблины, говорят, становятся всё наглее и многочисленнее. А эльфы? Что затевают эти безумцы, запершиеся в своих тёмных лесах? Мункэ... Молодой тэгин-провидец... Он не был простым воителем, жаждавшим лишь власти и злата. Нет, он искал чего-то иного. Его тоже манила и пугала тайна Холода.

Эрлик не боялся, казалось бы, никого и ничего в Трисмерии. Он был уверен, что всё и вся имеет свою цену. Но он так же знал, что есть те, кого не подкупишь. Люди, которым нужно нечто большее... Но что? Чего можно желать сильнее власти, сильнее богатства? Он не знал ответа, и от этого древнего, незнакомого неведения ему становилось по-настоящему страшно. Его предки не передали ему мудрости о таких вещах – в их свитках и контрактах не было статей о неподкупности духа. Он боялся тех безумцев и храбрецов, что искали эту сокровенную, нездешнюю правду, известную, быть может, лишь древним, позабытым богам.

Эрлик неподвижно стоял у окна, наблюдая, как последние лучи солнца утопают в водах Лирин. Город зажигал огни – один за другим, словно звёзды, падающие с небес на синие крыши Аквилона. Воздух наполнялся вечерней прохладой и далёким гулом с набережной, где матросы заканчивали свой день, а торговцы спешно сворачивали лавки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.